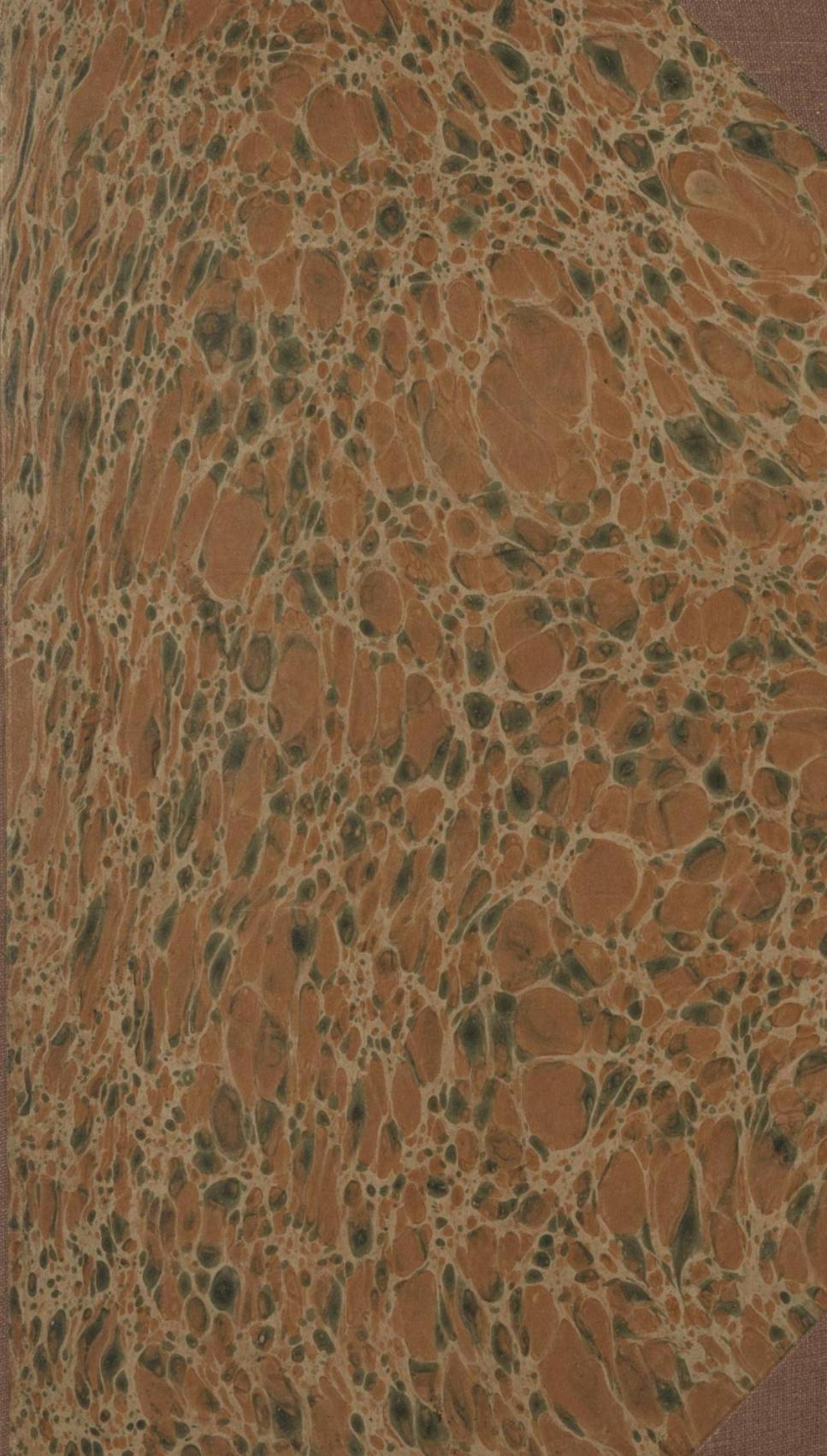

83.3P5-8

Г67

37470.

83, ЗРБ-8

Г67

ТУРГЕНЕВСКАЯ КОМИССИЯ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
ТУРГЕНЕВ И ЕГО ВРЕМЯ
ВТОРОЙ СБОРНИК

В. Н. ГОРБАЧЕВА

МОЛОДЫЕ ГОДЫ
ТУРГЕНЕВА

(ПО НЕИЗДАННЫМ МАТЕРИАЛАМ)

39575

Издание Тургеневской Комиссии

1926

ИЗДАЛЬ
Издатель
М. С. ТУРГЕНЕВА

ПРОВЕРКА 2014

15 СЕНТЯБРЬ 2014
ГИБДД КОМПАНИИ

ПРОВЕРЕН 2009

Издание напечатано под наблюдением П. М. Дульского
в школе полиграф-производства имени А. В. Луначарского.

37470

Татглавлит № 226.

Полиграфшкола имени А. В. Луначарского. Казань, Черноозерская 9.

Тираж 1000 экз.

МОЛОДЫЕ ГОДЫ ТУРГЕНЕВА ¹⁾

I.

ОТ ГЕГЕЛЬЯНСТВА к ФЕЙЕРБАХУ.

Русская интеллигенция в своих идейных исканиях всегда чувствовала непреодолимую потребность соприкосновения с источниками западной культуры. Особой силы это стремление достигает в 30—40-е годы, когда высший расцвет гениальной философской мысли и художественного творчества в Германии сделал ее страной, на которую возложила надежду передовая русская молодежь. Кажется, осуществились пожелания Гегеля, высказанные им в 1818 году в Берлинской речи: «Настала пора, чтобы в государстве, наряду с господством действительного мира, расцвело также свободное царство мысли». Вся энергия, вся сила народа уходит на создание культурных ценностей. Тургенев еще застает в Германии последний блеск той эпохи, которую он определяет, называя эпитеты: «литературная, теоретическая, философская, фантастическая».

Песни лучших германских поэтов только что отзвучали, не задернулись спокойной туманной дымкой веков. Стойкие, как художественные произведения, философские системы—мировые поэмы мысли—создаются, живы, волнуют умы и сердца молодежи. Они еще не превратились в большие пыльные фолианты в библиотеке ученого.

Близость к творцам их повышает настроение молодежи до экзальтации, до опьянения. Энтузиазм выливается в сerenады, факельцуги, которые, по свидетельству современ-

1) Настоящая работа возникла в Тургеневском семинарии I Московского Университета, руководимом проф. Н. Л. Бродским, и читалась в Тургеневской комиссии Общества любителей Российской словесности.

Автор выражает глубокую благодарность Н. Л. Бродскому за его ценные советы, внимание и поддержку.

Считаю своим долгом засвидетельствовать признательность М. В. Португалову за его любезную помошь в моей работе по Орловским архивным материалам.

ников, «скрепляли и животворили духовный союз». «Это было тихое вдохновенное торжество науки», когда сотни голосов пели студенческую песню: *Gaudeamus igitur* в лицо ночи, когда факелы, ночное небо, музыка Глюка и Моцарта, романтически-вдохновенные речи профессоров увеличивали очарование этих фантастических праздников¹⁾. О настроении молодежи пишет и Тургенев в 1857 г. в повести «Ася», без сомнения пробуждая в своей памяти картины юности; говорит он о радостном кипении жизни в студенческих праздниках, о порыве «куда бы то ни было, лишь бы вперед», который его трогал и поджигал. В эту эпоху глубина, спокойное воодушевление эстетических, философских исканий и достижений сливаются с порывом и трепетом предреволюционной эпохи. Русская студенческая молодежь не только захвачена, увлечена стихийным потоком, но своим энтузиазмом выделяется даже из ряда немецкой учащейся молодежи. Тургенев сравнивает стремление молодых людей за границу с исканием славянами начальников у заморских варягов²⁾.

«Воображаю, как сжалось твоё сердце, когда ты увидел этот немецкий город, на который каждый из нас возложил свою надежду» пишет Станкевич Грановскому 14 июня 1836 г. Берлин—это «новые Афины», «где жертвенник пламенеет священным огнем»—определяет Катков³⁾. Туда же, в страну чудес, в туманную философскую Германию едет Тургенев. Он уже учился в двух центральных русских университетах, отчасти подготовлен к восприятию немецкой культуры. Он основательно читал Шиллера, а с Гете мог познакомиться еще с детства: в библиотеке его матери имеется, правда, на французском языке «Страдания молодого Вертера». В русские университеты уже проникает немецкая философия, а Тургенев получал неизменно хорошие отметки по богословию, словесности и философии. Философские идеи, как и образы немецкой поэзии, бродят в сознании Тургенева, не достигая кристаллизации знания, и только там, в Берлине, «зажгутся первые звезды на его небе»⁴⁾.

1) Подробности в статье М. Н. Каткова «Берлинские новости» *Отеч. Запис.* 1841 г. том XVI Смесь.

2) «Литературные и житейские воспоминания».

3) «Отечественные Записки» 1841, т. XVI.

4) «Из письма И. С. Тургенева. «Русская мысль» 1912 г., № 12. ср. А. Корнилов, «Годы странствий М. Бакунина». Гиз.1925 г.

Тургенев попадает в Берлин и не скрывает важности этого события: «Как для меня значителен сороковой год, как много пережил я в 9 месяцев»¹⁾). Романтический энтузиазм, разлитый в Берлинском воздухе, заражает Тургенева. Он подхвачен общим потоком, легко отдается ему, потому что не чужая обстановка и среда окружает его. Здесь завязывается дружба с русскими же студентами, дружба, которую Тургенев признает за великое событие в своей жизни. Станкевич, Бакунин, отчасти Грановский — его друзья. На своих книгах этого времени Тургенев любит вместе с причудливыми профилями набросать несколько слов о своем настроении, о своих интересах и жизни. Полуистертые карандашные заметки сохраняют еще тонкий аромат прошедшей жизни. Особенно испещрены такими заметками книги Гегеля. Наряду с незначительными адресами *café*, куда, вероятно, заходили русские студенты, мы находим очень важные даты: «N. Stankevitsch ist am 24 Iuni 1840 gestorben. Ich bin mit M. Bakunin am 25 Iuli 1840 bekannt gevorden». В письме к Бакунину от 9 сент. 1840 г. он прибавляет. «Изо всей жизни я не хочу вынести других воспоминаний».

Известно влияние обаятельной личности Станкевича на философские кружки 30—40 годов. И Тургенев не ушел от этого влияния. Обладая восприимчивой душой, он более чем кто другой поддается очарованию духовного общения с Станкевичем. Встречу с ним он называет переворотом, началом развития души. «Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть его последним товарищем, которого он посвящал в служение истины своим примером, поэзией своей жизни, своих речей». Прежде непримиренный, он видит примирение, обогащается тишиной — уделом полноты — и все это приписывает влиянию Станкевича. Смерть Станкевича вызывает патетические строки в письме к Грановскому, и опять язык этого письма, как и писем к Бакунину, типичный язык эпохи, — туманный и гиперболический: «Кто из нашего поколения может заменить нашу потерю? Кто достойный примет от умершего завещание его великих мыслей и не даст погибнуть его влиянию?»

Знакомство с Станкевичем обогащает внутренний мир Тургенева, раскрывает перед ним богатство романтически-

1) «Русская мысль» 1912, кн. 12.

настроенной души и не проходит бесследно для его творчества. Станкевича узнаем мы в образе Покорского, который «пылал полуночной лампадой перед святынею добра».

Эпизоды из жизни Станкевича встречаются в повестях «Андрей Колосов» и «Несчастная». Но не столько это отражение образа Станкевича в творчестве Тургенева для нас важно; интереснее для нас отметить, что Тургенев за границей попадает в кружок русских, преданных науке, философии и германской романтической поэзии. Споры и беседы помогли ему уяснить основные течения германской мысли, привыкнуть к трудностям гегелевской философии. Станкевич соединяет его с Бакуниным и тем освещает эту дружбу. То, что соединил Станкевич, не раз'единит смерть — утверждает Тургенев. («Русская мысль» 1912 г. кн. 12). Свое отношение к Бакунину описывает он мечтательно, в образах возвышенных и романтически-туманных: «Я вижу человека, идущего сперва с робостью, потом с верой и радостью по скату высокой горы, венчанной вечным светом, с ним идет товарищ, и они спешат вперед, опираясь друг на друга, а с неба им светит тихая луна, прекрасное знакомое и незнакомое явление». В это время еще нет той нотки разочарования, которая слышится в последствии. Сейчас перед нами симфония романтической дружбы. Далее, резкие перемены убеждений Бакунина вносят резкий разлад, охлаждение дружбы, хотя можно предположить, что новые убеждения Бакунина не прошли бесследно и для Тургенева и были некоторым побуждением для него пересмотреть и изменить свои собственные взгляды¹⁾. Позднее Тургенев самостоятельно, без влюбленного обожания, но и без резкого осужденияглядывается в образ Бакунина, чтобы создать своего вечно-живого Рудина. Рудин не идеализирован, но в обрисовке его все еще чувствуется искра дружбы и старой восторженной любви.

1) Поворот Тургенева в сторону фейербахизма и левого гегельянства не начался ли постепенно со знакомства его со статьей: «Jules Elysard'a («Deutsche Jahrbücher» 1842 г. № 249). «Die Reaction in Deutschland? Конечно, горячо заинтересованный в развитии философских идей, он не мог не знать статьи, приписываемой его другу, особенно в 42 году, когда его философские интересы были особенно сильны.

Говоря о берлинских друзьях Тургенева, необходимо сказать несколько слов о Грановском. С ним Тургенев познакомился еще в 1835 году в Петербургском университете. Грановский написал фантастическую драму «Фауст» и читал ее своему другу. Позднее они встречаются в Берлине. «Каждое свидание с ним оставляло во мне глубокое впечатление»—вспоминает Тургенев, находя в нем «часть духа» Станкевича. Не доводами и убеждениями покорял он Тургенева, «а собственной душевной красотой»¹).

В салоне Фроловых Тургенев встречает Беттину фон Арним. По свидетельству современников и показаниям историков культуры, Беттина, умев жить жизнью своего времени, обладая тонким эстетическим вкусом и способностью воспламеняться, умея выразить свое вдохновение в сильных и ярких словах, стихийно действовала на молодежь своей эпохи²). Вердер отзыается в своей речи студентам о Беттине, как об избраннице духа, как о лице представляющем высшие интересы человечества. О произведении Беттины, посвященном студентам, он говорит, как о псалме красоты, исполненном чудес³). Тургенев был одним из самых ревностных поклонников «Миньоны, назвавшейся Беттиной» и вместе со всей молодежью воспламенялся ею. И не мудрено. С Беттиной связан последний блеск уходящего романтизма, все, что влекло к себе с неудержимой силой русских студентов. Тургеневу же, как заклятому гетеанцу, по его собственному выражению, как человеку всецело проникнутому в эту эпоху романтическим мировоззрением, должна быть особенно близка Беттина, с ее влюбленностью, женской привязанностью к Гете. Как и всегда, Тургенев оставляет свидетельство своей влюбленности и воспламененности на своих книгах: на первой странице «Wissenschaft der Logik» можно разглядеть инициалы В. v. A. и имя В. Arnti, начертанные рукой Тургенева. В библиотеке Тургенева имеется знаменитая книга «Briefvechsel mit einem Kinde» в издании 1837 Ionas'a. На заглавном листе Тургенев отмечает: «Берлин. 40 год Тургенев». Вспомним, что произведения Беттины

¹⁾ На книге Шекспира из библиотеки Тургенева мы находим надпись Грановского: «Со страхом.... и верою приступите». Рукою Тургенева отмечено: Пслучено «от Т. Грановского в 1838 г. Берлин».

²⁾ Циглер. «Умственные и общественные течения 19 века», стр. 126.

³⁾ «Отечеств. Записки» 1841 г. № XVI.

читал Рудин Наталье и вместе переживали они очарование немецкой романтической поэзии. Германский романтический и философский мир (в том числе и письма Беттины) «раскрывался перед ее внимательным взором»... «и... дивные образы, новые светлые мысли так и лились звенящими струями ей в душу». В этих строках, очевидно, живут воспоминания Тургенева о его собственных переживаниях.

Говоря о друзьях и учителях Тургенева в эту эпоху, нужно с особенным вниманием остановиться на личности Вердера¹⁾, на его миросозерцании и философских убеждениях, потому что с этим профессором-романтиком русское юношество прошло сквозь дебри гегелевских построений, а его убеждения были призмой, сквозь которую величественно-простой свет гегелевской философии разбивался в брызги фантастических световых красок.

Трудную и беспощадную диалектику гегелевской мысли смягчал он сообразно своему романтическому миросозерцанию и тем увлекал русских студентов, которые, по признанию Тургенева, не умели мыслить отвлеченно.

Бакунин в письме к Герцену от 11 октября 1840 г. очень верно отмечает романтизм и «Gemütlichkeit» Вердера на фундаменте гегельянства: «Дух, знание стало в нем плотью, в нем так много Gemütlichkeit, не той, которая противополагая себя разумному содержанию, выдает и себя за истину, но той, которая вытекает из живого свободного единства знания и жизни,—не мертвая буква, но плод религиозного внутреннего стремления». Отношение ученик Гегеля и Вердера Станкевич так формулирует в своем письме от 12 августа 1838 г.: «Он, ни в чем не противореча Гегелю, Selbstständig, ибо сделал систему своей и умел ее представить живо»²⁾.

1) Вердер — профессор Берлинского университета, вышел из школы Гегеля, сделался доцентом философии лишь через несколько лет после смерти учителя, в 1834 году. Вердер, поэт и романтик по настроению, славился знаменитыми лекциями о Макбете, Гамлете и Валленштейне. В 1841 году читал логику, метафизику и историю философии.

2) Аненников говорит о Вердере как о типе добродетельного, доверчивого, детски—чистого немецкого ученого. С большим жаром он комментирует логику Гегеля, цитируя при этом 2-ю часть Фауста и отвлеченным построениям учителя стараясь сообщить жизнь и поэзию (см. Н. Гутьяр «Тургенев», стр. 26).

К русским студентам Вердер относился очень сердечно. Он верил в будущее России, был очень дружен со Станкевичем. Смерть его печалит Вердера, и он посвящает другу прочувствоанное стихотворение. В свою очередь нам сохранились о Вердере восторженные отзывы его учеников. Откликаясь на некоторые из них, Белинский пишет Станкевичу: «Вердер— чудный, святой человек». Тургенев в своем письме из Берлина от 1847 г. отмечает, что студенты воодушевлялись при одном имени Вердера.

Вспомним, что именно Вердеру устроили ночную серенаду, описанную Катковым. Тургенев, принадлежа к числу студентов, воодушевлявшихся при одном имени Вердера, на своей книге «Geschichte der Neuere Philosophie», повинуясь привычке писать имена близких по духу людей, на последней странице, вместе с Гете, пишет имя Вердера. Философское мировоззрение Вердера, для нас очень интересное, (через его интерпретацию Гегель воспринимался Тургеневым) отличается романтикой, философским идеализмом. Имена учеников своих «неизгладимыми чертами любви вписывает он в своем сердце». (Речь Вердера, записаная Катковым). Целью философии считает профессор-романтик «сделать нас преданными богу, радостными для жизни и смерти, готовыми на жертвы и отречение, сильными и великими в творческой деятельности»... или «смелость приобрести, божественную смелость, вот вся цель философского образования».

Немного далее: «воспитывать до истинного смирения— задача философии; смирение же есть божественная смелость»... Так туманно фантазирует философ-поэт, и взрыв рукоплесканий покрывает слова учителя.

В это время наметился раскол гегелевской школы на правое и левое гегельянство. Яблоком раздора был вопрос, мучивший позднее и русских гегельянцев: «Можно ли молиться богу Гегеля? Можно ли отождествлять его абсолют с живым христианским богом?» Если правая сторона склонялась к признанию теизма, то левая, настаивая на пантеистическом взгляде, по наклонной плоскости приходила к материализму и фейербахизму, который провозглашал религию человечества, так как бог живет лишь субстанциально в природе и субъективно в человеке. Уже некоторые формулировки речи Вердера указывают нам его место в философских спо-

рах. Он говорит о живущем духе божия в знании, называет людей сынами божиими, «сделать нас преданными божиим» считает целью философию.

Очевидно от него исходят в среду учеников некоторые мистические настроения, нередкие в ту эпоху. Белинский пишет Станкевичу 7 авг. 1837 г., что его философия (Вердера) не отрицает мистических верований сердца, но разумом оправдывает их, «она не превращает жизнь в сухое понятие, в мертвый скелет». Интересно, что Бакунин еще в 1847 г. пишет Аненникову, что жизнь его определяется иррациональными изгибами: «Во всем этом много мистического, скажете вы, да кто же не мистик? Может ли быть капля жизни без мистицизма?» Вердер один из первых гегельянцев сблизил русское студенчество с Шеллинговой философией.

Кроме Вердера большим успехом пользовался у студентов Стеффенс; по выражению Тургенева, «Стеффенса слушали с благоговением». Он был последователем Шеллинга и его натур-философии. На последней странице энциклопедии находится интересный список ученых гегельянцев, приведенный Тургеневым. Большинство из них—профессора Берлинского университета. Привожу этот список: Вердер, Ганс, Габлер, Цумпф, Ранке, Ротшер, Бок, Михелет, Ватке, Гото, Стеффенс, Доннер.

Такова среда, в которую попал молодой Тургенев в Берлине, такова атмосфера, в которой он жил. Неразрывные нити связывали его с этой средой, живые импульсы черпал он в ней для своей мысли и своего творчества. Живая вдохновенная молодежь, во главе с любимым профессором—поэтом в кругу непосредственных учеников Гегеля—в их среде понятен Тургенев, «garçon de science et d'esprit».

II.

«Он из Германии туманной
Привез учености плоды»...
«Евгений Онегин» Пушкина.

Вернувшись на родину, Тургенев опять попадает в знакомую атмосферу кружковой работы, полной увлечения Гегелем и его философией.

В кружке, где собирались Самарин, Апполон Григорьев, Фет, кн. Черкасский, Орлов, Кавелин, Соловьев, Полонский, Новосильцев, бывал и Тургенев и был как бы промежуточным звеном между первым и вторым поколением гегельянцев, между кружком Станкевича и кружком Апполона Григорьева¹⁾. В доме Орлова Тургенев встречал Грановского и Хомякова. Вопросы, которые захватывают русских философов,—центральные вопросы гегельянства, проблемы религии, которые пытался решить и Тургенев в духе гегелевской философии. Занимал всех вопрос о существовании бога, об отношении религии и философии. Атмосфера кружка была очень напряженная, повышенная, о чем свидетельствуют письма Самарина. В письме № 19 говорится о споре Шевырева с Крюковым о том, «можно ли молиться богу Гегеля»? Спор продолжался о том же между Редкиным, Дмитриевым, Орловым и Самарином. По свидетельству Герцена, Редкин выводил личного бога «Ad majorem Hegelij gloriam». В письме за № 25 Самарин опять поднимает вопрос: «Признает ли Гегель откровение, признает ли в Иисусе Христе сына божия». Все эти письма и споры рисуют нам напряженность и страстность времени, когда под наукой разумели философию, под философией—Гегеля, при чем учение его воспринималось и толковалось по разному. Тургенев, вернувшись из-за границы, по собственному признанию, был в состоянии передать самые свежие, последние выводы гегельянства. Он бывает и у Орлова, и у Самарина, и уже конечно не упускает случая поспорить и побеседовать о вопросе, всех захватившем, о котором Тургенев и сам писал свою магистерскую работу.

Об этом периоде пребывания на родине Тургенев рассказывает в своих воспоминаниях о Белинском. Была в это время и поверхностность усвоения, была неправильная интерпретация, но все это искупалось лихорадочным жаром души, души «жаждавшей правды». Так Белинский в спорах и беседах умел усвоить выводы и даже терминологию

1) М. О. Гершензон к первому кружку русских гегелианцев относит родившихся около 1811 г., ко второму—около 1820 г. Некоторые интересные подробности об отношении Тургенева к кружку Орлова, Григорьева, Полонского можно найти в «Новых Пропилеях» под ред. М. Гершензона.

гегелевской философии и в эти беседы вкладывал всю нетерпеливую страсть характера. «Мы не решили еще вопроса о существовании бога», сказал как то Белинский Тургеневу, «а вы хотите есть». Этот упрек становится особенно понятен, если вспомнить, что в ту эпоху верили в действительность и важность философских выводов. В 41—42 году развертывается у Тургенева «Премухинский роман», полный специфического аромата немецкой романтической философичности. Героиня этого романа—восторженная, экзальтированная, насквозь пропитанная идеями немецкой философии и образами немецкой поэзии; любимая сестра Мишеля Бакунина—Татьяна. Она всегда живет в кругу интересов мужской молодежи, увлекается учением Фихте и Гегеля. Этот роман Тургенева, несмотря на то, что был очень краток, оставил несомненно некоторый след в миросозерцании и в творчестве писателя¹)...

Наконец, дома, в своей семье он находит поддержку и сочувствие. В переписке с матерью и братом Николаем Тургенев затрагивает вопрос о профессуре еще в 40 году. В письме от 3 нояб. 1840 г. мать благословляет его быть профессором Московского Университета. Это для нее—«верх блаженства». Впрочем она несколько скептически и недоверчиво относится к намереньям сына: «Ты можешь быть покоен, я ничего не говорила никому насчет профессорства. Я и сама этому не верю».

Но, несмотря на это, кажется, были предприняты некоторые хлопоты, облегчающие первые шаги молодого ученого. Так, в письмах Николая Ивановича Тургенева находим указания: «Первые шаги сделаны, нечего говорить, как будет рада мама» (январь 41 г.) Таким образом цель Тургенева в России—добиться кафедры философии в московском университете. «C'est un garçon de science et d'esprit—но настоящий Ленский студент Геттингенской»—определяет его встретившийся с ним в дороге П. И. Кривцов.²⁾

1) Подробности см. в этюде Н. Л. Бродского «Премухинский роман в творчестве Тургенева». «Тургенев», издание Центроархива. Там же приведены и письма Татьяны Александровны Бакуниной. См. также в статье Л. В. Крестовой: «Бакунина и Тургенев». Сборник «Тургенев и его время» под редакцией Н. Л. Бродского.

2) М. О. Гершензон. «Образы прошлого», стр. 143

Оба известные портрета молодого Тургенева рисуют нам его слишком неподвижно—задумчивым. Взгляд его, сквозь тяжело нависшие веки, слишком серьезен для героя Пушкина. Он как будто зачарован тяжелыми волнами гегельевских периодов, захвачен грандиозным потоком гегельевской диалектики. Но все же, думается нам, самое основное метко уловил Кривцов в своей маленькой характеристике: романтическую мечтательность, увлечение германской поэзией, преданность науке и философии, некоторую туманность выражений,—весь специфический колорит образа метко охвачен тремя словами, брошенными налету.

В письме к Бакунину Тургенев говорит об усердной усидчивой работе¹), в своих воспоминаниях о том, как он «с особым рвением изучал Гегеля». Если бы мы не имели этого свидетельства, о степени усердия и трудолюбия Тургенева—студента мы могли бы судить по старательно записанным очень мелким почерком конспектам лекций²), которые иногда прямо озаглавлены «aufgabe», по частым заметкам в книгах его собственной библиотеки, по замечаниям, разбросанным на полях³). Особенный интерес представляют эти книги. Вместе с Тургеневым переживаешь весь процесс его мысли, подмечаешь невольные вспышки восторга, недовольства, иронии. Везде душа его выражается невольно «то кратким словом, то крестом, то вопросительным крючком». Видишь, что книги читались не пассивным, безразличным взглядом, что мысль не покорялась без рассуждения и критики, казалось бы, безукоризненному ходу мысли Гегеля. Говорят Гегель о различии представления и мышления—рукою Тургенева написано: «Разница не всегда показана». (§ 20 Encyclopädie der philos. Wissenschaften). На некоторые примечания Геннинга к Энциклопедии он иронически замечает: «не то» или «О! О! О! Какой же ты умник, господин Геннинг» (стр. 94 собственного экземпляра). В истории философии на стр. 641 рассказывает Гегель о том, что до Канта философия была

1) «Русская мысль» 1912 г. кн. 12.

2) Конспекты лекций хранятся частью в Ленингр. институте книговедения, частью в Орловском Тургеневском музее.

3) Глубокой внутренней серьезности Тургенева — студента не противоречат взрывы юношеского легкомыслия, о которых иногда говорят современники, да и сам Тургенев («Родился я беспечным малым»). См. изданный М. Клеманом матерьял «Из черновых бумаг Тургенева». Труд. Комис. Библиографич. Общества Литератур.-библиографич. сборник.

доступна и возбуждала всеобщее внимание и интерес, была неразрывно связана с образованным человеком «Sonst beschäftigten sich geschäftsmänner, statsmänner damit; jetct. bei der kantische (последнее слово зачеркнуто и карандашем поставлено «фихтише») Philosophie sinken ihnen flügel—Тургенев не то иронически, пораженый своею шуткой, не то серьезно отмечает: «prächtig». Читая тонкое и трудное для понимания определение тождества, Тургенев отмечает: «чрезвычайно важно». Около такого же трудного и тонкого определения формы и материи в главе «Форма и Сущность» (стр. 85 *Wissenschaft der Logik*) он бросает на поля книги: «bravo, Hegel». Иногда ему кажется ход диалектического развития слишком медленным, слишком осторожным. Он нетерпеливо отмечает: «Наконец» (стр. 112). Во главе «Учение и сущность» (стр. 206) он отмечает: «Ein nur Seyendes ist ein nur Mögliche, ein nur Mögliche ist ein nur Seyendes».

Иногда Тургенев позволяет себе не соглашаться даже с самим Гегелем, ибо несомненно иронически звучит восклицание: «О, Егор Федорович!» (стр. 472 «Новая философия» ч 3). Он иногда даже ставит на полях хронологические данные—в Энциклопедии отмечено прочитанное после возрвращения из Италии. Заметки эти говорят, что знания Тургенева—не поверхностные, из разговоров и споров подобранные; он почерпнул их с любовью в самом источнике их. В заметках чувствуется активность мысли и близость к нему книг Гегеля. Как дневнику поверяет им Тургенев мысли и настроения, вписывает в них важнейшие жизненные даты, имена и инициалы друзей¹⁾. На любимых книгах своей библиотеки не забывает он написать свою фамилию и место, где была приобретена книга (обычная дата 40—41 год, обычное место—Берлин).

Библиотека Тургенева в целом говорит нам о вкусе и интересах Тургенева, которые удивляют своей широтой. Перед нами человек, обладавший всеми современными выводами философии, человек эстетически оценивший лучшие произведения художественного творчества. Новая философия

1) На книге «Феноменология Духа» (изд. 1832 года—Дункер и Гумло) Тургенев пишет: «Ne was a man, take him for all in all we, schall not look upon him like again». Кого имел в виду Тургенев? Станкевича или самого Гегеля?

представлена Кантом, Фихте, Шеллингом, конечно, особенно полно Гегелем и его последователями. Даже левые гегелианцы (в эти годы Тургенев во многом не сходился с ними во взглядах) не были обойдены. Перечислим наиболее интересные с точки зрения нашей проблемы книги Тургеневской библиотеки:

Feuerbach—«Pierre Bayle»—Auflage 1838 г.

Hotho—«Verstudien fur Leben und Kunst»

Strauss—«Leben Jesu» (Neue Auflage Tübingen 1841)

Bruno Bauer—«Geschichte der Politik, kultur»... und so weiter. Scharlotenburg 1843 г.

Bruno und Ed. Bauer—«Briefwechsel»

Steffens—«Was ich erlebt»

Feuerbach—«Geschichte der neure Philosophie» 1833 год (с собственной подписью Тургенева и с датой:—Берлин 1840 год).

Schelling—«Philosophie und Religion».

Романтическая художественная литература, близкая по духу немецко-философскому идеализму, тоже интересовала Тургенева и имела большое значение для его творчества. С мышлением в образах так же сживаются он, как и с отвлеченно-философским мышлением, причем часто в оценках философских систем применяет эстетический критерий, к художественному творчеству подходит с поисками философской мысли. В его библиотеке мы можем найти: Novalis Schriften 1837. B. v. Arnim «Tagebuch Goethe's Briefwechsel mit einem Kinde», Jean Paul's Werke (Berlin bei Reimer), Heine «Reisebilder», конечно, полное собрание сочинений Шиллера и Гете. Из критических работ отметим работу Börge о Гейне и рукописную диссертацию профессора Надеждина «De poesia romantica.»

III.

Прежде всего захватила Тургенева прекрасная концепция Гегелевской системы, строго расчлененная, но внутренне бесконечная, по образному выражению Брандеса, «храм духа», грандиозное готическое построение, где «каждая маленькая триада олицетворяла большую троицу». Внутреннего формального противоречия не найдем мы в этой системе, как не найдем и необоснованного положения. Поэтому система Гегеля своею стройностью и архитектурно прекрасной

обработкой производила очень большое впечатление на слушателей и еще большее на читателей. От восприятия получалось эстетическое удовольствие, будто бы перед воспринимающим великая поэма или стройная симфония. Поэтому стираются границы между искусством и философией: «Философские убеждения», говорит Тургенев, «есть величайшее творение искусства и философи—величайшие мастера и художники. «Собственно искусство перестает существовать и растворяется в философию»—говорит он в письме к Бакунину.

Гегелевская философия, придавая методу громадное, даже первостепенное значение, воспитывала любовь к систематическому и методическому обоснованию, к стройному ряду силлогизмов, к неуклонному движению строгой диалектики. В детстве Тургенев любил срывать ветвь камыши или нераспустившуюся розу и разрывать тесно скатанные лепестки, доискиваясь последнего скрытого зерна. Таков для него образ философской системы. Но он требует терпения, выдержки, он не грустит по детски, что последние оболочки тонки и нежны, что снять их невозможно. «Но ты будь терпелив, дай распуститься цветку, и ты будешь любоваться его изящной формой, наслаждаться его запахом и перечтешь все его распустившиеся лепестки и тычинки» (в письме к М. Бакунину—Рус. Мысль 1912 кн. 12).

Вместе с Гегелем Тургенев признает, что средства и цель—неразрывны, что правильный метод очень много значит в философии, что если в искусстве необходима дисциплина, тем более она нужна философии, потому что духовный мир подчинен строгой законности, где каждое положение есть следствие сложного силлогизма. Преклонение перед методом и самодисциплиной вдохновляет Тургенева, помогает преодолевать трудности Гегелевской системы, привучает к упорному труду с выписками, отметками, примечаниями. Записки и книги Тургенева вновь раскрывают перед нами трудный процесс преодоления системы. Тургенев любит некоторые мысли и положения изображать почти графически, даже отмечая стрелкой направление мысли, имея целью сделать или весь ход мысли более наглядным, или лишний раз уловить форму мысли и полюбоваться ею. На странице 144—145 «Wissenschaft der Logik» мною был найден пожелтевший листок, формата почтовой бумаги, где

почерком, обычным для молодых лет Тургенева, он записывает:

Wirklichkeit
formalle Wirklichkeit—formalle Möglichkeit
Zufälligkeit
nur Möglichkeit—nur Wirklichkeit (formalle)
Relative Notwendigkeit
Reale Wirklichkeit—reale Möglichkeit
Reale Notwendigkeit¹⁾.

Интересно рассуждение Тургенева, где утверждается нераздельность средства и цели в развитии идеи:

«Нельзя создать ничего без дисциплины в философии, где средства и цель нераздельны, где разум пропадает из рассудка, дух—из разума и живущий в глубине нас бог проникает все наше существо».

Нужно заметить, что восхищаясь прекрасной концепцией гегелевской системы²⁾, проникаясь стройностью его мысли, Тургенев не одобряет слишком длинных периодов его мысли и речи, делая соответствующие отметки на полях книги Гегеля. Высказывает он неодобрение и языку русских гегельянцев, их немецко-русскому наречию. Говоря, о статьях Белинского, Тургенев отмечает, что была полоса, в жизни Белинского, продолжавшаяся года два, когда он, «начитавшись гегелевской философией и не переварив ее, всюду с лихорадочным рвением пичкал ее аксиомы, ее известные тезисы и термины, так называемые «Schlagwörter».

1) В бумагах, хранящихся в Институте книговедения, можно найти следующую табличку, где мысль Тургенева развивается обычным путем гегельянской философии. (Тезис—антитезис—синтез):

Sein
S u N
Werden
Das Sein
R u N
Etwas
E u A
Für sich Sein

2) Мы уже говорили, что на современников концепция гегелевской системы производила очень глубокое впечатление. В своем восхищении Тургенев не был одинок. Сам Гегель придавал так же своему методу большое значение и характеризовал диалектическое понятие, как «Lebenslauf gottes» (Розенкрэнц «Hegels Leben». 192 стр.). Но с легкой руки Шопенгауера многие философы последующих поколений недоброжелательно и критически относились к методу Гегеля, иронизируя над его диалектическими построениями.

В глазах рябило от множества тогдашних выражений и оборотов; но сбежала волна и оставила за собой хорошие семена, русско-немецкое наречие было заменено славным, ясным, мужественным и бесхитростным русским языком¹⁾).

IV.

В описываемую нами эпоху одним из существенных вопросов, интересовавших всех образованных людей—был вопрос об отношении религиозных проблем к проблемам философским. Этот вопрос явился яблоком раздора, расколившим доселе единую школу Гегеля, когда авторитет, обаяние его личности, сила ума его уже не скрепляли всеоб'емлющим синтезом разнородные элементы его системы. Причину расхождения некоторые историки философии²⁾ видели в двусмысленности гегелевской терминологии: умозрительные идеи выражены языком положительного богословия, наоборот, богословие переведено на язык логики. Правая школа гегельянства согласовала свое гегельянство с ортодоксальным христианством, левая, наоборот, подвергала все догматы и источники разлагающей критике³⁾. Левое гегельянство в свою очередь можно разделить на течение пантейстическое и на более крайнее, которое настаивало на натурально-антропологической интерпретации гегельянства. Тургенев живет, как мы уже отмечали выше, в атмосфере повышенного интереса к философским течениям, окружен средой, где вопросы философии—вопросы жизни. Религиозные проблемы всех особенно интересуют и волнуют Тургенев участвует в спорах, которые вспыхивают вокруг него. Конечно, у него уже выработалась своя точка зрения, свое *crédo* и это *crédo* можно уяснить себе при чтении и анализе его магистерской работы⁴⁾. Эта работа отводит ему место в рядах правого крыла гегельянства

1) Эти воспоминания относятся, правда, к 1868 г., а не к описываемой эпохе.

2) Напр., Вл. Соловьев.

3) Штраус эту тенденцию правой школы к сближению с ортодоксальным христианством определяет так: «философия — гордая язычница, смиренно приняла крещение и стала исповедовать христианский символ веры»—См. введение к *Glaubenslehre* 1840 г.

4) Н. М. Лисовский. Новые материалы для биографии Тургенева. Спб. 1892. См. также в книге Н. Л. Бродского—И. С. Тургенев в воспоминаниях современников и его письмах. Часть I. М. 1924.

и направлена против обоих течений левой школы: в ней одинаково отрицается и пантеистическая, и натурально-антропологическая ориентация. Первые строчки его магистерской работы, написанной 5 мая 1842 г. на тему «Пантеизм», уже открывают битву, бросают перчатку всем младогегельянцам. В великом слове «пантеизм» хранится пагубная сторона этого учения,—таится возможность «всех дурных и превратных толкований». Какие же толкования называет Тургенев «прे́вратными» и «дурными»? «Великое понятие все бог—превращается в другое, грустное, хотя почти не выговариваемое положение: во всем, везде я, человек, со своими требованиями, желаниями удовлетворения и самолюбивыми страстями». Пагубная сторона этого учения и превратное толкование его кратко определяется словом «Фейербахизм». Главная мысль работы—противопоставление пантеизма и фейербахизма-ортодоксальному христианству в духе правого крыла гегельянства, в духе учения Вердера. Магистерская работа Тургенева не является лишь официальным *crèdo* человека, добивающегося в николаевскую эпоху кафедры профессора, она, как это показывают бумаги и библиотека Тургенева, органически вытекает из его интересов и изо всей его пред'идущей работы. Те положения, которые мы найдем в его работе, являются развитыми по своему идеями Гегеля, поразившими его в свое время в Берлине, теми идеями, которые он отмечал вопросительным знаком или кратким «wichtig». Язык этой работы—не язык официальной лжи: в ней много простоты и лирических ноток искренности. Имя Гегеля употребляется редко, но свет гегельянства сквозит во всей работе, иногда преломленный сквозь романтизм Вердера. Вслед за Гегелем Тургенев провозглашает союз и сближение философии и религии, называя современную ему борьбу, разгоревшуюся вокруг этих проблем,—последней борьбой. Если, устанавливая значение религии для человечества, Гегель не умаляет значения чувства, то с другой стороны является горячим сторонником права разума в вопросах религии и богословия. Такой же тенденцией проникнута и работа Тургенева. «Религия»,— пишет он,—«не исключает движения бескорыстного верующего изыскания, но и доставляет мысли человека в самой себе полное и сознательное удовлетворение, так как мысль прямо, непосредственно сообщается с истиной, с Всеобщим,

завладевает им как своим достоянием, принимает истину, как глаз лучи солнца». Через мысль познаем мы сущность бога, так как существует неразрывная связь между нашей мыслью и мировым разумом, так как бог, по определению Гегеля, «есть истина и единственная истина» (*Encyclopädie der Philos. Wiss. Einleitung*) В Энциклопедии Гегеля, которой пользовался Тургенев в Берлине, он подчеркивает мысль Гегеля, которую потом развивает в своей работе: «когда религия.... не признает права науки, ссылаясь на то, что судьбы божьи неисповедимы, то она становится на точку зрения деистов; это произвольное указание противоречит положительной заповеди христианской религии, которая требует чтобы знали бога в духе и истине». В «*Vorlesungen über die Philosophie der Religion*» обычного для Тургеневской библиотеки издания Дункер и Гумло, на стр. 297, он подчеркивает и отмечает: «Sehr wichtig» мысли Гегеля, в которых «изыскания разума» сближаются с верой, в которых утверждается, что мысль и верование не только смешались, соприкасаясь друг с другом, но и так тесно срослись, что нет верований без рассуждений или вообще мышления, с другой стороны не существует мышления, которое не заключало бы никакой веры, хотя на момент. Таким образом, закрепив за мыслью право разбираться в вопросах религии, Тургенев приступает к изложению своего взгляда на религию и к анализу понятия—бог. Мысли человеческой доступно понятие—бог, потому что бог не есть враждебная для субъекта власть, потому что божество содержит в себе субъективность, как один из существенных моментов своей природы¹⁾. Бог, как субъект, бог личный, является богом Тургенева. Если бог—*Prius* мысли, то он должен жить собственной жизнью, а что не живет собственной жизнью—не может быть ее *Prius'om*—поясняет Тургенев рассуждением, очень характерным для гегельянца. Бог, как *Prius* мысли, должен быть доступным направленному навстречу ему человеческому сознанию, высшая мысль хочет быть мыслимой и познанной в мышлении. Благодаря этому существует неразрывная связь между индивидуальным и мировым духом. (Тургенев несколько образно определяет эту же мысль: «Бог—в нас, но совершенно от нас

¹⁾ Мысли Гегеля по этому поводу Тургенев нашел в § 194 Энциклопедии Гегеля.

независим») Рассуждая таким образом, Тургенев приходит к признанию живого, личного, христианского бога и возможности откровения, которому он придает большое значение. После всего изложенного нам ясно, как относится Тургенев к центральному вопросу своей работы, к пантегиизму. Он несколько своеобразно определяет пантегиизм. Пантегиизм признает существование истины вне себя и своих ощущений, «но истины не личной, т. е. не бога». Поэтому отношение Тургенева к пантегиизму — отрицательное. В свое время в Берлине, штудируя Гегеля, Тургенев отмечает строчки, в которых высказывается отрицательное отношение к пантегиизму. В § 88 Энциклопедии Гегель, критикуя положение: «aus nichts wird nichts, oder aus etwas wird nur etwas», ведущие к признанию вечности материи, удивляется, что его часто повторяли «ohne einiges Bewustsein, das sie die Grundlage des Pantheismus bilden, sowie ohne Kenntnis davon, das die Alten die Betrachtung dieser Sätze erschöpft haben». Тургенев имел некоторое основание в своем отрицании пантегиизма опереться на авторитет самого Гегеля. Таким образом и это отрицательное отношение к пантегиизму имеет корни в гегельянстве, пробуждается не без влияния могущественной мысли Гегеля.

Со свойственным Тургеневу в эту эпоху уважением к историческому процессу, он излагает далее в своей работе историю пантегиизма, начиная с Фалеса. Первоначальная стихия Фалеса дошла постепенно до «vous» Анаксагора. После этого произошел переворот в философской мысли, произведенный софистами. Убеждения софистов в свою очередь уступили место некоторому синтезу эпохи Платона и Аристотеля. Сознательно или бессознательно строит Тургенев свой исторический очерк в виде тройственной гегельянской формулы, очень характерной для гегельянства¹⁾. Далее у ново-платоников Тургенев отмечает старание вывода и знаний, «желание не ограничиваться одним словом — бог, а определить его». Конечно, это утверждение Тургенева звучит похвалой. Переходя

1) Такой способ изложения был обычным в кружках московской молодежи. Вспомним, что и Хомяков строит по формуле Гегеля свои мысли о религии: католичество — момент рассудочного единства (тезис), протестанство — момент отрицательной свободы (антитезис), православие — единство в свободе и свобода в единстве (синтез). К. Аксаков по формуле Гегеля разбивает русскую историю на эти же основные моменты ее развития. (Диссертация о Ломоносове).

к пантеизму нового времени, Тургенев начинает свой очерк с учения Спинозы. Оно, по мнению Тургенева, приводит к дилемме, которая вытекает из положения—«все-бог». «Каким образом существует это «все», в котором он находится?—спрашивает Тургенев. Если оно различается от бога, то бог находится вне природы, и пантеизм уничтожается. Предположение, что бог неразлучен с материей, в свою очередь ведет к дилемме: либо бога нет, есть одна лишь материя (материализм), либо нет материи, существует лишь бог. Эти дилеммы—софизмы, поставленные Тургеневым опять таки имеют корни в учении Гегеля. В § 88,5 (своей Энциклопедии) Гегель сближает пантеизм и материализм¹). не признавая материю вечной, в этом же смысле Гегель утверждает в § 151 Энциклопедии: «Пантеизм видит бога в конечных вещах».

Другое положение дилеммы приводит, по мнению Тургенева, к уничтожению всего: «У Спинозы все,—природа, человек, таєт понемногу в лучах единой субстанции—он старается удержать ход их уничтожения, различает в Omne Esse (бог) атрибуты, через которые он нам сообщается, но сообщаться несуществующему нельзя». Спиноза принужден уничтожить весь мир во имя бога, который не может дать отчета ни в возможности существования людей, ни в возможности знания. Сходные мысли о пантеизме Спинозы высказывает Гегель в читанной с особым вниманием Тургеневым Энциклопедии. По его мнению, субстанция Спинозы даже не пантеизм, а «мрачная бездна, не имеющая никакого содержания», которая поглощает живые краски жизни, всякое самобытное движение и «не производит ничего, чтобы обладало собственной жизнью». (См. § 151 Энциклопедии в переводе Чижова). Философия Спинозы не удовлетворяет ни Гегеля, ни Тургенева потому что его субстанция не дает им понятия о боге, потому что субстанция не есть лицо, суб'ект, а великий философ и его последователь утверждают, что «живая субстанция есть бытие, по истине являющаяся суб'ектом». «Die Substant sol Subiect werden» формулирует Тургенев и по этим соображениям отрицает раннее учение Шеллинга. Шеллинг в основу всего

1) Это сближение подчеркнуто карандашом в собственной книге Тургенева.

полагает «das Absolute», т. е. совершенное безразличие и Тургенев недоумевает, как из этого безразличия возникает суб'ект и об'ект.

Для него Абсолют Шеллинга чужд и непонятен. Правда, Тургенев очень чутко подмечает сближение более позднего учения Шеллинга с правым гегельянством. «К Шеллингу»— говорит Тургенев—«перешла идея гегельянства»: «Бог есть самопонимание, которое свободно выражается в природе и в человеке». Действительно это сближение происходило: шеллингианство эволюционировало в сторону правого гегельянства: многие сторонники этого течения, почувствовав в левом течении серьезного врага, предпочитали соединиться с близким по духу новым учением Шеллинга, приобретая этим сильного союзника¹⁾. Студентов, в частности русскую молодежь, с Шеллингом «свела» (по выражению Анненкова) Вердер. В своей речи студентам он говорит о Шеллинге, как о вожде и дорогом учителе. Отметив некоторые отрицательные стороны характера Шеллинга, от лица Гегеля высказав упрек старой вражде, Вердер тем не менее молит бога, «да продлится вечер его жизни, чтобы он, средоточие всех свободных и добрых, еще действовал как главный орган, воззвал бы к благотворному действию теплоту и свет, чего мы так страстно желаем и чего всем нам очень нужно». И несколько далее он советует ученикам своим «отворить зрение и слух нашего духа, надежду и доверие нашей души к его прибытию и принять его как властителя»²⁾. Тургенев поддается общему увлечению учением Шеллинга.

По свидетельству Юрия Самарина, только что приехавший из-за границы Тургенев утверждал, что все порядочные люди приняли сторону Шеллинга и что Гегель похоронен³⁾. Как обяснить это свидетельство о человеке,

¹⁾ Куно Фишер отмечает это сближение. В своей работе посвященной Шеллингу (История нов. Философии) он говорит: «Со стороны первоначальной части школы, по крайней мере у некоторых ее представителей, уменьшалось чувство различия и явились даже перебежчики в лагерь Шеллинга».

²⁾ Речь Вердера, приведенная Катковым. Отечеств. записки 1841 г Том XVI. Смесь.

³⁾ Тургенев, между прочим переводил речи Шеллинга об изящных искусствах для «Отеч. записок» (стр. 77—«Катков и его время» Неденского).

который именно в это время (как нам показал анализ его работы) не только полон идеями гегельянства, но и критикует прежнее учение Шеллинга? Интерпретировать это утверждение Тургенева возможно так: похоронен для порядочных людей не Гегель, а левое течение гегельянства, тогда как правое признало Шеллинга своим вождем^{4).}

Заканчивая наш анализ, необходимо сказать о необычайной важности магистерской работы для уяснения лика молодого Тургенева, его религиозных и философских взглядов. Более того—остроумие некоторых дилемм, логических формулировок, идеи в ней проводимые, могут дать интересный материал для характеристики русского общества сороковых—пятидесятых годов. Несмотря на это, значение магистерской работы Тургенева еще не дооценено.

V.

«Я прочла в твоем письме то,
чего не ожидала:

Ах, каждый человек должен дости-
гнуть прекрасного, если у него
есть святое»

(Из письма матери Тургенева).

Лик Тургенева не должен затемняться перед нашим внутренним взором. Прежде всего он художник, он творец ясных образов, музыкальной лирики, стройных монолитных композиций. В юности он не вполне осознает свои силы, затаившиеся в нем, мечтая о кафедре, о философской карьере. Но призвание художника влечет его в родную сферу

⁴⁾ В связи с общим уклоном к учению Шеллинга и правого гегельянства отмечался возрастающий интерес к Як. Беме. Он был вызван некоторыми проблемами, поставленными на очередь Шеллингом. В связи с этим интересом Гегель в своей истории философии отводит ему довольно значительное место, анализируя идеи, главным образом изложенные в произведении «Аврора или начало утренней зари». В этом же отношении очень показательны конспекты лекций Тургенева, сохранившиеся в Орле. Беме, в сравнении с другими философами, иногда крупными и значительными, отведено в них очень почетное место, ему посвящены полторы страницы, исписанные очень мелким почерком, тогда как Шеллингу отведена страница, Гоббсу—строчка, Бэкону—полстраницы. Содержание этих очень плохо сохранившихся лекций трудно понять. Но нам кажется, это очень характерный факт бросает некоторый свет на вкусы и интересы правых гегельянцев.

художественного творчества. Не чистого мышления ищет он в глубинах гегелевской системы, а ответа на вопросы жизни, не разум, а мудрость Гегеля, говоря современной терминологией, зачаровала Тургенева. Призвание художника, пробуждавшееся в нем все ярче и сильней, заставляет его обратить большее внимание на эстетику, на теорию художественного творчества, на науку о прекрасном. Сведения об эстетических взглядах Тургенева мы можем почерпнуть главным образом в ранних критических статьях Тургенева. Рассматривая их, мы убеждаемся, насколько они, как и все миросозерцание его юности, уходят корнями в немецкую философию, в частности в учение Гегеля. Мы уже говорили выше о стремлении гегельянца — Тургенева сблизить знание и веру, религию и философию. Стремление такого же рода замечаем мы и в его эстетике этой поры. Интересно в этом отношении свидетельство П. В. Анненкова. Рассказывая о молодости Тургенева, он утверждает, что Тургенев в молодости был горячим, хотя и не очень последовательным адептом убеждения, будто чистое творчество достигло с Пушкиным такого повсеместного распространения, что ему предстоит потесниться немного и дать дорогу произведениям мыслящей способности, философско-политического созерцания.

Таким образом, в вопросах эстетики и художественного творчества Тургенев расчищает дорогу разуму, философии, «мыслящей способности», полагая, что все стороны духовной жизни суть проявления Мирового разума. Подтверждение свидетельства Анненкова мы находим и в статьях самого Тургенева. «Фауст — невольное признание мыслящего и страстного поэта» — пишет он в статье о переводе Фауста Вронченко, относящейся к 1845 г. Строго осуждает Тургенев в переводчике ненависть, какое-то странное озлобление против философии и разума вообще и против немецких ученых в особенности. Убеждение, что в художественном произведении необходима мысль, которая, как огненная точка, вспыхивает под влиянием глубокого чувства, не покидает Тургенева и позднее, когда увлечение гегельянством сменилось некоторой реакцией, разочарованием в нем (несколько слов о стихотворениях Тютчева, т. 12, стр. 315 — 1854 г.) И уже в 61 году, когда гегельянство изжито, Тургенев упорно повторяет: «мысль одарена особой силой,

Она сквозит и светится даже при недостаточном исполнении, особенно когда человек бескорыстно до самопожертвования служил ей.» (Собр. соч. «Воспомин. об Иванове» т. 12, стр. 79). Взгляды и убеждения Тургенева, здесь приведенные, не чужды многим читателям эстетики Гегеля, в которой он определяет красоту, как идею в образе, и целью для искусства ставит «воплотить в материю идею»¹⁾. Гегель изучение художественного произведения мыслит всегда в историческом аспекте, или в аспекте диалектического развития. История—сложная цепь, куда единичный факт, в данном случае единичное произведение искусства, входит как звено. В своей «Эстетике» говорит он, что историческая сторона, необходимо входящая в изучение и оценку художественных произведений, есть еще дело учених и в очень высокой степени²⁾. Тургенев не мог не дооценить значения исторического изучения и, как верный последователь Гегеля, придает ему большое значение. В своем критическом очерке о Фаусте он излагает конспективно историческое развитие немецкой литературы и делает это сознательно.

Очень характерны для гегельянца его слова: «Историческое изыскание может иногда с успехом заменить чисто логические рассуждения, потому что ничего не может быть логичнее исторического развития, ясно и добросовестно представленного». Художественное произведение только тогда приобретает вечное значение, когда становится одним из этапов логического развития самосознавшего Абсолюта. Поэтому Тургенев пишет: «счастлив тот, кто может свое случайное сознание возвести до исторической необходимости, означить им одну из эпох общественного развития»³⁾.

¹⁾ Смотри «Курс эстетики», перевод Модестова, отдел 1, стр. 29. Впрочем Гегель не забывает выговорить права чувству, как в творчестве, так и в эстетическом восприятии художественных произведений. Тургенев, ученик Вердера, конечно, тоже не забывает о чувстве. У него мысль не просто вспыхивает, а под влиянием чувства, Гете не только мыслящий, но и страстный поэт и т. д.

²⁾ Эстетика т. 1, стр. 26, перев. Модестова.

³⁾ Тургенев, высказывая эти взгляды, остается верным учеником Гегеля. Сущности своей, по Гегелю, мировой дух достигает не в отдельной гениальной личности, как у Шеллинга, а в об'ективном проявлении жизни человечества во всей ее сложности и многообразии.

Художник должен уйти от субъективизма и произвола личности к строгой духовной необходимости, преобразовать, возвысить свое духовное я. Художник должен сквозь пеструю игру случайностей жизни увидеть и понять ее законы, ее красоту. Таковы два способа достижения цели, поставленной Тургеневым перед художником. По Гегелю индивидуальность, индивидуальное сознание—только первый этап развития духа. «Объективная духовность не исходит до изменчивой беглой частности, которая свойственна субъективности»¹⁾.

Цель как философии, так и искусства—«освободить человека от бесконечного количества частных целей»²⁾. Человек должен умереть для индивидуальной жизни, чтобы быть в состоянии жить духовной универсальной жизнью. Истинное знание, добро, красота могут быть достигнуты лишь путем отказа от индивидуальности со всем ее самолюбием, «внутренним идолопоклонством и муками вечного оглядывания»³⁾.

Мы уже приводили выше мысль Тургенева о том, что произведение должно войти необходимым звеном в жизнь духа, стать фактором не только индивидуального, но и общественного развития. Основой этой мысли является убеждение, что человечество не может остановиться на правах сильной и страстной индивидуальности, «краеугольный камень человека не есть он сам, как неделимая единица, но человечество, общество, имеющее свои вечные, незыблемые законы»⁴⁾. Мефистофель—бес людей, «исключительно занятых своими собственными сомнениями и недоумениями»—не тот бес, которому бы мог художник продать свою душу. «Das schlechte Gemälde ist das, wo der Künstler sich selbst zeigt»—подчеркивает Тургенев фразу Гегеля в истории философии⁵⁾. Великим художником можно назвать того, кто подобно Гете, выразил не только «Sich Selbst», но то, «что жило в груди каждого», но часто не могло «выскаться даже словом». Эта гегелевская струя в эстетике

1) Эстетика Гегеля. Модестова (перевод), изд. 1859 г. отд. 1, стр. 131.

2) Логика Гегеля § 87.

3) Ср. Куно Фишер «Гегель» стр. 368.

4) Тургенев т. 12, изд. Маркса. стр. 231.

5) История философии (изд. Дункер и Гумло, стр. 645). Собственная книга Тургенева хранится в Орловском Тургеневом музее.

Тургенева предохранила его от увлечения романтизмом. Этим об'ясняется, почему Тургенев — юноша, несомненно подготовленный и предрасположенный романтизмом настроения, сравнительно мало в своем творчестве отдает дань поэтике романтизма. Давая несколько своеобразную интерпретацию термина «романтизм», Тургенев определяет его как трагедию человеческого я, я, которое утверждает себя, как начало, как треугольный камень всего существующего. С этой точки зрения трагедия «Фауст» Гете является, по мнению Тургенева, самым решительным, самым резким выражением романтизма, хотя это имя вошло в моду гораздо позже. Теоретически же обосновали романтизм Фихте и Кант. Понимая так романтизм, Тургенев не был никогда правоверным романтиком. Только вечное в богах и людях, разоблаченное от произвола и случайностей, должно быть представлено в искусстве в совершенной и неизменной ясности. Так мог бы резюмировать свои убеждения вместе с Гегелем молодой Тургенев¹⁾.

Должен ли художник, возвысившийся над всеми случайностями и мелочами своего повседневного я, подражать природе? Списывать жизнь, не претворяя ее в творческом акте?

Делая попытку подражать природе, списывать жизнь, художник, по мнению Гегеля, заранее обрекает себя на неудачу, потому что творчество его в этом случае — пустая игра, труд ненужный и бесполезный, т. к. повторять природу не нужно. Человек, отовсюду замкнутый в конечном, обращает свои взоры в чистые сферы искусства, где исчезают все контрасты и противоречия конечного. Только в искусстве несовершенная действительность достигает совершенства идеала, освобождается от преходящих и случайных условий, — и отсюда, красота искусства не есть красота жизни, правда жизни не есть еще правда искусства. «Искусство» — говорит Гегель — «приводит все то, что в действительности запятнано примесью случайного и внешнего, к гармонии об'екта с его истинной идеей. Оно отвер-

1) Эти убеждения отражаются и на его творчестве. Главные лица поэм «Параша», «Андрей», «Разговор» — не индивидуальные, а типологические образы, абстрактные и несколько схематические. Тоже можно сказать и о пейзажах: бледные, в смысле отсутствия индивидуальных красок в «Параше», «Андрее», — в «Записках охотника» они приобретают постепенно живые и конкретные очертания русской природы.

гаet все то, что не соответствует идее, и посредством такого очищения порождает идеальное¹). Эти мысли, стройно изложенные Гегелем, находим мы и у Тургенева. Только искусство творит красоту, преображая действительность, но не рабски копируя ее. Искусство—не дагерротип²). В игре артиста крики, рыдания, обморки—это природа, это не искусство.

Жизнь редко достигает красоты искусства. Жизнь только в редкие минутки, освобождаясь от всего случайного, возвышается до подобной красоты³). Ум, труд, наблюдение проводить прямые линии, только поэзии и искусству свойственна волнистая линия красоты⁴).

Уже в 64 году Тургенев не перестает формулировать идеи, близкие ему в молодости. В его произведении «Довольно» находим утверждение, что искусство сильней природы, потому что в ней нет ни симфоний Бетховена, ни картин Рюисдаля, ни поэмы Гете; лишь пустые педанты и недобросовестные болтуны могут еще толковать о подражании природе.

Гегель, говоря об искусстве, советует отбрасывать незначительные и мелкие черты, чтобы сохранить строгость рисунка и стройность линий. По его мнению, портретисты, даже наименее заботящиеся об идеале, должны льстить, должны отбрасывать незначительные преходящие черты физиономии для того, чтобы схватить существенные и постоянные черты, которые и составляют настоящее выражение души. Тургенев всю жизнь сохраняет любовь к чистоте и простоте линии и рисунка.

Высказывает он свои взгляды с редким постоянством. Отсутствие вычурной и слишком филигранной работы—для него главное требование художественного вкуса. Он ценит в Гете энергическую и страстную простоту, «Саламбо» Флобера считает неудачным произведением, главным образом благодаря черезчур детальной разработке мелочей. Свои взгляды Тургенев особенно убедительно формулирует в статье об Островском.

¹ См. поэтика Гегеля в сборнике Фульье—Стрывки из сочинений великих философов стр. 409, 410).

²) Письмо к Виардо 17 января 48 год.

³) Письмо к Виардо от 11 января 1848 г.

⁴) См. статью Тургенева о «Бедной невесте» Островского.

«Ложная манера состоит в подробном до крайности и утомительном воспроизведении всех частностей, мелочей отдельного характера... В этих бесконечно малых чертах теряется та определенность и строгость рисунка, которых требует внутреннее чувство читателя даже от самой разыгравшейся фантазии».

Сущность таланта Тургенев определяет как способность охватывать характеристические детали¹⁾, законы, которые не всегда выступают наружу, которые нужно разглядеть «сквозь игру случайностей»²⁾.

Не распыляться в бесконечно малых брызгах жизненного моря, а оглядеть и увидеть его законы с высоты призыва истинного художника, создать красоту из хаотически-неоформленного материала жизни—таковы эстетические идеалы Тургенева.

Вопрос формы и содержания, вопрос «что» и «как», является одной из главных проблем эстетики, тем более, что теоретическое разрешение вопроса влечет за собой практические задачи для художника-творца. Гегель различает в каждом художественном произведении идею и чувственную форму. Конечно, нам известно, какое значение придает Гегель мысли, содержанию, идее в художественном произведении, но тем не менее он видит специфическое отличие художественного произведения хотя бы от философской системы—в прекрасно-проработанной чувственной форме. Впрочем, лишь философски анализируя художественное произведение, мы различаем в нем форму и содержание:—они должны слиться в нем, достигнуть «гармонии чувственной формы и духа, взаимного проникновения формы и идеи»—по выражению Гегеля.

«Исключительное свойство идеального и состоит именно в том, чтобы привести душу и внешнюю форму в гармонию»³⁾. Сходные мысли находим мы и у Тургенева. Он нападает на Бронченко, по словам которого Гете за важное почитал сущность и смысл, а все остальное: отделку, язык—называл одеждой, которая не имеет влияния на до-

¹⁾ Я. П. Полонскому первое собрание писем, стр. 490.

²⁾ К. Кигну, Первое собрание писем, 16 июля 1876 г. стр. 295.

³⁾ Фулье: «Отрывки из сочинений великих философов», стр. 410. (Гегель «Поэтика»).

стоинство целого. Тургенев вместе с Гегелем и Гете не допускает раз'единения идеи и формы.

«Nihts ist innen! Nihts ist aussen
Denn was innen ist—ist draussen!».

Вместо сравнения Бронченко, Тургенев предлагает другое:—форма относится к идеи, как тело к душе, признавая, впрочем, что в деле искусства вопрос «как» важнее вопроса «что»¹⁾. Полное синтетическое слияние чувственной формы и содержания—идеал Гегеля и Тургенева, идеал, который, несмотря на романтизм настроения, предохранил творчество Тургенева от крайностей романтической поэтики. Мы знаем, что вся жизнь Тургенева прошла в мучительных философских исканиях. Много раз сжигал он то, чему поклонялся в светлые годы своей юности. Но эстетические его взгляды, несомненно захваченные с любовью из родника гегельянства²⁾), сохранились в основном неизменно и жили неразлучно с его творчеством.

VI.

«Другие дни—другие сны».
«Фауст» Тургенева.

После сильного и страстного увлечения правым гегельянством наступает у Тургенева полоса разочарования в логизировании жизни, стремление выйти из несколько искусственно-приподнятой атмосферы кружков, пожить жизнью, не облеченою в стройные, но тяжеловесные формулы Гегеля. Он стремится к творчеству непосредственному, не отягченному философской мыслью, к жизни и к любви бездумным, стихийным, как сама природа. К нему можно применить слова, сказанные им о Жорж Занд: он с удовольствием погружается в искусство простодушное, не отвлекающееся от земли. Отдыхает он от сложных силлогизмов, от толстых и трудных философских книг, от старательно составленных записок, от «надуманных взглядов» на жизнь и творчество. Он уходит в ясную, простую, радостную стихию «Записок охотника», в бытовые узоры

1) «Северный вестник» 1887 г. № 2, стр. 46

2) Интересно, что в статье Тургенева о переводе «Фауста» Бронченко есть ссылка на Фишера, критика Гете, философа гегелевской школы, профессора эстетики и всеобщей литературы.

своих комедий. Берлинская студенческая жизнь с ее романтикой, с энтузиазмом и фантастикой серенад, с жаром пламенной дружбы, с культом науки и разума, уходит в прошлое, о котором вспоминают иногда с грустью, чаще с усмешкой иронии.

Уже в 47 году Тургенев констатирует упадок, конец пышного праздника немецкого идеализма. В интересных строках своего письма из Берлина (от 1 марта 1847 г.) он описывает прошлое и угадывает наступление нового дня... В них еще можно угадать неостывшее волнение участника, сердечную боль заинтересованного человека. Пусть помнят прежнее, пусть яснее врежется оно в сердца переживших неизгладимыми чертами, потому что то, что было — прошло безвозвратно. Тогда, в 40-м году «с волнением ожидали Шеллинга, воодушевлялись при одном имени Вердера, воспламенялись от Беттины, с благоговением слушали Стеффенса».

Умолк Шеллинг, Стеффенс умер, Беттина перестала красить волосы... Вердер, правда, еще комментирует логику Гегеля, не упуская случая приводить стихи из второй части «Фауста», но от его когда то огромной, взволнованной аудитории осталось только три слушателя, из которых только один немец, и тот из Померании. Конечно, с грустью роняет Тургенев слова: «повторяю, литературная, историческая, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, кажется, кончена».

Так грустил бы он при смерти безнадежного, но дорогого больного. В 48 году настроение это нарастает. К этому году относится новелла: «Татьяна Борисовна и ее племянник». В ней его романтическая любовь, его «премухинский роман», его увлечение — тепличный редкий цветок, выросший среди искусственной атмосферы кружков, романтики и идеализма, осмеивается злобно и беспощадно. Употребляя излюбленный свой прием, прием контраста образов, Тургенев рисует в ней двух женщин. Татьяна Борисовна описана преувеличенно сочувственно за ее простоту, за непосредственность ее натуры. Автору хочется взять ее за руки, сказать ей, что при всей ее простоте, она необыкновенное существо. Другая же, так недавно любимая, вдохновляющая «муза», «сестра», является теперь предметом «остервенелой ненависти», уродливым гротеском. Все, что прежде казалось

святым, нужным, прекрасным: разговоры о Гете, Шиллере, Беттине, немецкой философии—доводят теперь Тургенева до мрачного отчаяния. В следующем году появляется новая повесть «Гамлет Щигровского уезда», где на лобное место насмешки вывел Тургенев самое заветное для него и дорогое—идеализм, науку, гегелевскую философию, кружки и молодой пафос их. В уста, может быть, ничтожного героя дерзнул он вложить слова, которые отрицали значение гегелевской энциклопедии, которые сомневались в пригодности науки и философии для русской жизни: «Как прикажете применить ее к нашему быту, да не ее одну, Энциклопедию—а вообще немецкую философию, скажу более... науку?» Несчастный Адам Адамыч¹⁾ жизнь свою посвятил изучению Платона и Санхоньятона и, под влиянием, очевидно, Шеллинга, напечатал длинную статью о божествах самофракийских. Для чего? Не для того-ли, чтобы «жизнь убогую свою влечить среди дворян российских?» Такие же недоумения и осуждения возбуждают в нем в эту эпоху кружки, в которых он когда-то сам состоял членом. Они, по его мнению, приучали к бесплодной болтовне, к литературной чесотке, отвлекали от разумного дела, от уединенной благодатной работы²⁾. Но не смотря на реакцию, на свое отвращение к идеалистическим философским построениям, совершенно оторванным от жизни, Тургенев не может отказаться всецело от философии, от теоретического мышления. Он стремится найти обоснование своей тяги к земле, к русской жизни; это обоснование он находит в левом гегельянстве и в Фейербахизме, которые не без основания противополагались им философски-романтическому идеализму. Говоря о том, что литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни кончена, он резко противопоставляет: «Фейербах не забыт, напротив»³⁾. В этом же году (8 дек. 1847 г.) он еще раз подчеркивает в письме к Виардо свое отношение к Фейербаху.

«Изо всех, которые строчат теперь в Германии, Фейербах единственный человек, единственный характер и един-

1) См. поэму «Помещик» Тургенева.

2) «Гамлет Щигровского уезда».

3) «Русские Пропилеи», под ред. М. О. Гершензона, т. 3—Письмо из-за границы.

ственный талант». Мы уже отмечали, книги Фейербаха и левых гегельянцев Тургенев читал еще в студенческие годы, но тогда их учение заслоняли надолго могучая фигура Гегеля и авторитет Вердера. Теперь же внимание его спускается с высот идеалистической философии к конкретному, конечному, предметному. Отдаляясь от прежних властителей дум своих, он приходит к учению Фейербаха. Действительность, природа, человечество заменяет *«entias imaginaria»* былых времен и увлечений. Как известно, религиозно-философская сторона деятельности Фейербаха является самой значительной. Охарактеризовать ее можно, как борьбу за антропологизм вначале и за материализм впоследствии. «Теперешний брак философии и богословия» он считает браком неравным и целью его является рассторгнуть его. Это ему удается. Шеллинг не мог уничтожить своим влиянием *«драконовы насаждения»* Гегеля, слить в единое целое теологию и философию, науку и веру. Под влиянием Фейербаха и левых гегельянцев, философия сбросила *«покрывало смирения»* и стала вновь гордой язычницей¹⁾.

Этим общим потоком философской мысли подхвачен и Тургенев: переворот его миросозерцания особенно заметен в вопросах религии и веры.

Вспомним, в магистерской своей работе он полемизирует с Фейербахом. Положение: «во всем, везде—я, человек со своими требованиями, желанием удовлетворения и самолюбивыми страстями»—называет он грустным. Последователи Фейербаха обманывают себя громкими словами и дешевыми восторгами, так как их бог есть их же Я—*«sich selbst objectiv geworden»*.

Теперь он вместе с Фейербахом готов признать, что бог, небо и блаженство являются созданием мощной человеческой фантазии и воли. Божество называет он «созданием рук человеческих»²⁾.

Религия, по мнению Фейербаха, может иметь право на существование лишь как сознание человеческой ограниченности и зависимости от природы, лишь как сознание единения человеческой и природной жизни. В возвра-

1) Определение Штрауса.

2) Письмо к Виардо 19 декабря 1847 г.

щении к природе видит он единственный источник спасения. Близок к этим взглядам и Тургенев. Со свойственной ему любовью к прекрасной форме, он излагает свои новые убеждения образно, красиво, напоминая нам ученых и философов эпохи «Просвещения».

«Возвращаюсь к моим звездам»— пишет он в 49 году к Виардо¹⁾ Вы знаете, что нет ничего зауряднее выражения, будто они внушают религиозное чувство. Но, уверяю вас, что вовсе не такое чувство производят они на того, кто смотрит на них просто, без заранее предвзятого взгляда. Да, тысячи миров, в изобилии разбросанные по самым отдаленным глубинам пространства, суть не что иное, как бесконечное разлитие жизни, которая обнимает все, проникает всюду». Место бога в сознании Тургенева заменяет жизнь: «Да благословит Вас бог, или да будет к вам жизнь благосклонна». В письмах к Виардо он неоднократно подчеркивает, что мир не есть сознательное творение Субъекта, Абсолюта, и если есть в нем какие-то законы существования, то это законы жизни.

Христианство, которое, под влиянием правого гегельянства и шеллингианства, Тургенев готов был принять в раннем периоде своей деятельности, отталкивает его теперь, как религия чуждая жизни. Он видит «печальную, кровавую, антигуманную» сторону религии, которая должна бы быть преисполненной добра и милосердия.

В письме к Виардо от 1847 года он описывает свое тяжелое впечатление при чтении легенд о мучениках: бичевания, процессии, поклонения костям, ауто-да-фе, свирепое презрение к жизни, отвращение к женщине, язвы и кровь—все это чуждо и тягостно сейчас Тургеневу. Именно презрение к жизни и тяга к небу отвращают его, его, который «не выносит неба», но «обожает жизнь», даже ее капризы, ее случайности, ее привычки, ее мимолетности. Сложны и разнообразны искания философской и творческой мысли Тургенева. Не раз он возвращался к романтическому идеализму своей молодости, не всегда были чужды ему мистические видения (произведения позднего периода: «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви» и др.). Но увлечение фейербахизмом оставило глубокий след:—

1) Письмо к Виардо 28 июля 1849 г.

от него протягиваются основные нити атеизма, позитивизма и материализма, которые мы различаем в богатом узоре его духовных исканий.

В сентябре 1864 г. он в письме к Ламберт отмечает: «Я не христианин в вашем смысле слова, да пожалуй и ни в каком».

Вспомним, что К. Аксаков возмущался словами Тургенева, говорившего, что Белинский и его письмо к Гоголю— вся его религия.

Интересно и свидетельство Тургенева в его письме к Миллютиной:

«Я преимущественно реалист и более всего интересуюсь живой правдой людской физиономии, ко всему сверх‘естественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю» (фев. 1875 г.)

Даже это отвращение к философским системам, неоднократно подчеркиваемое теперь Тургеневым, не является ли отражением взглядов Фейербаха, который в «Zur Kritik der Hegelschen Philosophie» обяснял всякое умозрение, идущее дальше природы и человека, тщеславием.

Тургенев, с вечной динамикой своих исканий, всегда созвучен своей эпохе, вернее всегда чутко предугадывает ритм ее. В своем пути от правого гегельянства к левому, от Вердера к Фейербаху— он сливаются с общим направлением русской общественной и философской мысли. Назовем имена Станкевича, Бакунина, Белинского, Грановского, Герцена, Чернышевского. От Станкевича— к Чернышевскому— таков путь русской мысли¹⁾.

1) Менее заметна эволюция эстетических взглядов Тургенева. Теоретически— они оставались прежними. В них не чувствуется большого влияния Фейербаха, который сам мало разрабатывал вопросы эстетики. Тем не менее, мысли, иногда высказываемые Тургеневым, сближают его с Чернышевским, который строил свою эстетику по принципу Фейербаха, кладя во главу угла своего эстетического исследования— понятие жизни и логически доходя до утилитаристических взглядов на искусство. Еще в 1845 г., в своей статье о переводе Фауста Бронченко, Тургенев пишет знаменательные слова: «нам теперь нужны не одни поэты... мы (и то к сожалению еще не совсем) стали похожи на людей, которые при виде прекрасной картины, изображающей ничего, не могут любоваться художественностью воспроизведениям, но печально тревожатся мыслью о возможности нищих в наше время».

Убеждения Тургенева, самобытные, самостоятельно пережитые, вливаются созвучным аккордом в общее развитие темы: от холода отвлеченной философии «*für sich*»—к конкретной действительности, к борьбе за лучшее устройство жизни.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ОТГОЛОСКИ ФИЛОСОФСКОЙ РОМАНТИКИ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА.

«Эх, славное было тогда время и не хочется верить, чтобы оно пропало даром».

«Фауст» Тургенева.

Мягкую и восприимчивую натуру Тургенева меньше всего можно обвинить в узком, одностороннем подходе, в духовной близорукости. Пережив эпоху увлечения философией и эпоху некоторого разочарования и реакции, он не замыкается в преувеличенно—отрицательном отношении к немецкому философскому идеализму. Красочная, богатая яркими образами, могучими идеями, интересная по настроению эпоха необыкновенно расширяет его умственный кругозор, увеличивает многообразие его творчества. Прежние мысли, увлечения, интересы, воспоминания о друзьях юности служат богатым для него материалом. Особенно интенсивно использовал Тургенев свои прежние впечатления, свои былые думы в период от 1854 по 1859 г. г. (После тяжелый перелом миросозерцания вновь отдалил его от светлых призраков его молодости.) Этот период можно назвать периодом воспоминаний, периодом творческого претворения всего пережитого и прочувствованного в годы учения. Рассказ «Затишье» (в концепции которого можно видеть некоторое влияние «Страданий молодого Вертера» Гете) и «Несколько слов о Тютчеве», (который в стихийных дерзаниях своей музы был близок по духу романтике, в ней часто искал источник вдохновенья)—были предшественники целого ряда произведений, проникнутых духом «философской, теоретической, романтической» эпохи. Из них, конечно, особенно выделяется по значению роман «Рудин». Обстановка жизни, дух эпохи живо и интересно описаны в нем. Тургенев в этом романе особенно ярко вспоминает, особенно остро переживает вновь былые увлечения.

чения, споры и идеи. Знакомые речи вкладывает он в уста героев. В центральном образе романа, который делает его монолитным и цельным—мы узнаем Мишеля Бакунина, старинного друга Тургенева, того Мишеля, которому посвящены торжественные и восторженные строчки юношеского письма Тургенева¹⁾.

Тургенев уже беспристрастно отмечает слабости героя, ставит его в слегка комическое положение. Но характерно, если автор относится иронически к некоторым поступкам Рудина, то его идеи и взгляды кажутся Тургеневу убедительными: они торжествуют победу над слабыми аргументами противника. Приглядимся поближе к этим спорам.

При первом же появлении Рудина они вспыхивают необходимо между ним и Пигасовым. Прибегая к излюбленному приему контраста, Тургенев противопоставляет Рудина и Пигасова. Энтузиасту, философи, гегельянцу, поэту—противопоставляется скептик, не верящий в идеи и системы, не верящий в истину и философию. В образе этом доводит Тургенев до абсурда свои собственные сомнения. Предмет спора—вопросы близкие гегельянству. Нужны ли системы, общие рассуждения, или только факты? Нужна ли диалектика, движение мысли вперед путем обнаружения и разрешения противоречий, содержащихся в понятиях? Дает ли она истинное знание? Не лучше ли бросить возню с умозрением, чтобы оперировать с верными и надежными фактами? Иными словами, поставлены коренные вопросы методологии философии. Рудин разбивает Пигасова ходом опытного спорщика. Вы утверждаете,

1) Конечно, Рудин не был портретом Бакунина. По поводу Рудина Аксаков пишет: «Рудин похож очень на нашего общего знакомого» и прибавляет: «хотя как сходство он не очень удовлетворителен».

Анненков, друг Тургенева, знакомый близко со студенческими кружками 30, 40 г.г. рисует нам образ Бакунина очень схожим с образом Рудина. Он отмечает в нем врожденную изворотливость мысли, страсть к витийству, пышную праздничную речь. Он же приводит характеристику Бакунина, сделанную одним французом: «sa dialectique serrée et sa perception lumineuse des idées dans leur essense?» поражали его. (Анненков «Роспоминания и критич. очерки» стр. 23)

Но не только один образ Михаила Бакунина лег в основу конкретной концепции Рудина. В письме от 27 февр 1866 г к С.Т. Аксакову Тургенев пишет: «Уж коли с кого списывать (Рудина), так с себя начинать». Тема «Рудин и Бакунин» была предметом доклада Н.П. Вродского в тургеневской комиссии О.Л.Р.С.

что убеждений нет? Это ваше убеждение?... Следовательно они существуют! Вы говорите, что нет систем, что их и не нужно? Но самое ваше желание быть исключительно практическим человеком есть уж своего рода система, теория. Вспомним, что этот прием доказательств применял Тургенев в своей магистерской работе. Возражая против скептицизма, он писал: «Человек убежден в границах своего рассудка и недостаточности мысли для достижения истины обективной, это убеждение есть его истина, его святыня, в которую верил он, называющий себя скептиком». Отношение к скептицизму, высказанное Тургеневым в 41 году, остается тем же и в 55. Устами Рудина Тургенев провозглашает веру в знание, науку, разум. «Скептицизм всегда отличается бесплодностью и бессилием»—добавляет он: Пигасов—противник немецкой философии, не веря в истину, ссылается на то, что лучшие философы определяют ее различно. «Кант говорит: вот она мол что, а Гегель—нет, врешь, она вот что». Очень интересно по поводу этого спора вспомнить полемику Гегеля с Шульце, автором работы «Kritik der theoretischen Philosophie». В своей статье «Отношение скептицизма к философии» Гегель нападает на скептицизм Шульце и метод его философствования. Для него он «яркий пример анти-философского мышления». Шульце доказывает между прочим несостоительность всякой метафизики и теоретической философии тем, что философские взгляды и системы противоречат друг другу, тем что искание истины стольких людей, одаренных величайшим талантом и разнообразнейшими знаниями, оказались безуспешными. В ответ на это Гегель утверждает, что между системами гораздо больше сходства, чем различия и прибавляет: «contra principia negantes non est disputandum».

Таким образом, вопросы, затронутые Рудиным и Пигасовым, занимали когда-то и самого Гегеля. Рудин был прав, спросив противника, знаком ли он с философией Гегеля. Интересен так же тот факт, что Тургенев аргументы, некогда разбитые Гегелем, вкладывает в уста Пигасова, противника героя-гегельянца. Они и для него в данную эпоху служат примером антифилософского мышления. Далее Рудин, по мнению автора, очень дельно заговорил о самолюбии. Самолюбие, как деятельное стрем-

ление к совершенству, к саморазвитию духа, есть «источник всего великого». Каждый гегельянец должен чувствовать себя «сосудом истины». Но не в личности последнее слово мирового процесса, и потому человеку надо надломить упорный эгоизм своей личности, чтобы дать ей право себя выявить. Тургенев и раньше не раз высказывал подобные взгляды на роль и значение личности. Они были основным камнем его эстетики, построенной на фундаменте Гегельской системы.

Суб'ективный дух в стремлении своем к саморазвитию должен достигнуть об'ективности. Не достигнувший ее — лишь «комар суб'ективности» — по образному выражению Гегеля.

Но проследим несколько дальше блестящую импровизацию Рудина. Вдохновленный общим сочувствием, близостью молодых женщин, красотой ночи, он говорит красноречиво о вечном значении временной жизни человечества. Оптимизм гегельянства, заставивший Белинского воспевать в письмах к друзьям гармонию мира, возвышает и Рудина до поэзии, до образного творчества.. «Vous êtes un poète» вполголоса говорят в гостиной.

Рудин рассказывает скандинавскую легенду. Характерно: философские идеи порождают поэтические образы; произведения, сами проникнутые философией, дают богатый материал для мысли¹⁾.

В ту эпоху литературу не отделяли от философии, образное творчество — от мышления. Вердер рядом с Шеллингом ставит Беттину фон Арним, тоже делает и Тургенев (в письме из Берлина 47 года). Необходимость в творчестве интеллектуального момента отмечает он в своих критических статьях.

Германская поэзия и германский философский мир слились воедино и в Рудине. Со страниц книг лились не только дивные образы, но и новые светлые мысли и потрясали благородной радостью молодое сердце Натальи.

1) Интересно вспомнить характеристику Анненкова: „В произведениях этой эпохи“ — говорит он — „свободная фантазия певца беспрестанно касается философских положений, часто даже и зарождается в области чистой мысли и под конец в ней пропадает, как песчинка в блеске солнца“.

Далее Рудин, а вместе с ним и сам автор, вспоминает студенческую жизнь в Германии. Широкими вдохновенными мазками рисует ее Рудин и в словах его живет и светится что то молодое, динамическое, стремительное. Отзвуки гегелевского оптимизма можно различить и в них. Рассказ Рудина продолжает Лежнев. В его словах звучат те же настроения. «Стройный порядок водворялся во всем», «дух веял всюду», ничего не оставалось бессмысленным, случайным. Во всем высказывалась разумная необходимость и красота, все получало значение ясное и в то же время таинственное».

Описание кружка Покорского в эпоху создания Рудина не похоже на описание кружка в новелле «Гамлет Щигровского уезда»¹⁾. Покорский, в образе которого мы узнаем Станкевича, описан в романе с тем сердечным трепетом преклонения, который нам знаком по юношеским письмам Тургенева; образ его не затемнен позднейшим разочарованием, как это было с образом Бакунина. Ранняя смерть сохранила его в воспоминаниях друга вечно молодым и любимым. Одно имя его может пробудить остатки благородства в самых безнадежно-опустившихся людях.

Так бережно доносит Тургенев сквозь годы отчуждения, разочарования,исканий иных идеалов, свое юношеское восхищение. В этом же году появляется некролог Грановского. Несколько штрихами набросал в нем Тургенев картину: темный зимний вечер, студенческая комната с шатким столом и графином воды, Грановский читает свою фантастическую и романтическую драму, сюжет которой взят из старой средневековой легенды. Тургеневу кажется она прекрасной. Тургенев разделяет, повидимому, взгляды Рудина на значение и роль личности, так как отмечает в Грановском «благородное самоотречение, отсутствие личных прихотей и умствований». Мотив самоотречения, сменивший эпоху полного приятия жизни, проходит через целый цикл произведений Тургенева. Еще мальчиком читает Яков Пасынков, герой произведения помеченного этим же годом, Шиллеровскую поэму «Resignation»²⁾). Два цветка распуш-

1) Ср. статью Н. Л. Бродского «Белинский и Тургенев» в сборнике «Венок Белинскому». М. 1924.

2) Мотив самоотречения и проблема Шиллеровских двух цветков занимала и друзей Тургенева (напр. Грановского).

скаются в жизни. Зовутся они — надежда и наслаждение. Кто сорвет первый, потеряет второй навсегда... Пасынков, отказываясь от личного счастья, срывает первый цветок. Самоотречение, романтический отказ от радости жизни, своеобразное пуританство — основной тон этого произведения. Яков Пасынков — последний представитель угасающего романтизма, готовый всегда преклониться перед «святыней красоты».. Характерны романтический восторг и слезы двух друзей на неизменном фоне звездной ночи (звездная ночь — та оправа в которую любил оправлять Тургенев романтику своих воспоминаний). Характерна грусть о прошедшей юности, такой богатой живой мыслью и смелой романтикой. Она исчезает, умирает ... Приближаются 60-ые годы с их трезвостью и утилитаризмом. Тургенев желает всем практическим господам хоть сотую долю чистых наслаждений, которыми так полна и богата бедная и смиренная жизнь последнегоромантика. Следующее произведение Тургенева — «Фауст» по настроению тесно премыкает к «Якову Пасынкову». Если лейт-мотив «Якова Пасынкова» взят из «Resignation» Шиллера, то Гетеевский «Фауст» был положен в основу произведения Тургенева, названного этим же именем. Известно, какое большое значение придает Тургенев этому произведению, в котором живут, «говоря языком Канта, трансцендентные вопросы, переданные ему предшествующим развитием Европы». «Фауст» Гете он считает самым решительным и резким выражением романтизма, самым гениальным его проявлением. Наконец, это произведение тесно связано с его молодостью, с его научными и философскими трудами и занятиями....

«Фауста» цитирует Гегель¹⁾, цитатами из «Фауста» любит об'яснять Гегелевскую философию Вердер. Имя Вердера рядом с именем Гете начертывал Тургенев на последнем листочке свое книги: «Der Geschichte der Philosophie»²⁾. Его друг Белинский указывает ему на портреты Гегеля и Гете, как на абсолютного философа и абсолютного поэта... «Заключенный гетеанец» Тургенев несколько раз принимался за переводы произведений Гете, в том числе и

¹⁾ См. напр. предисловие к философии права в собрании сочинений Гегеля том. 6.

²⁾ З часть «Новой философии». Гегеля. Экземпляр личной библиотеки Тургенева хранится в Орле, в Тургеневском музее.

Фауста... Это увлечение нашло себе творческое отражение в произведении, названном знакомым именем. Тургенев признает, что ему «видно было написано на роду заплатить дань»¹⁾ этому увлечению. Много субъективных переживаний вкладывает он в некоторые описания и эпизоды повести. В забытых, запыленных шкафах, заполненных литературой 18 века, вместе с рукописным «Кандидом» и «Вертером» на Французском языке, Тургенев находит книги, привезенные когда то из Берлина, между прочим и Гетеевского «Фауста». «Тебе может быть неизвестно» пишет П. Б. герой «Фауста» своему другу,—что было время, когда я знал «Фауста» наизусть от слова до слова. Я не мог начитаться им. Но другие дни—другие сны и в течении последних девяти лет мне едва ли удалось взять в руки «Фауста». С каким неизъяснимым чувством увидел я маленькую, слишком знакомую мне книжку дурного издания 1828 г.» Интересно сопоставить: сам Тургенев имел именно это плохое издание 1828 г. сам он, приблизительно, лет десять не брал в руки эти маленькие книжечки в черном переплете.

Так же, как и перед героем, молодость пришла и встала перед Тургеневым в эту эпоху, «отравой побежала по жилам». Отсюда понятна фантастика, романтическая сущность произведения: написано оно не со спокойствием художника-реалиста, но с «огнем в крови», мучительным, как отрава... Дополним эту картину творческого переживания Тургеневым своей молодости еще несколькими эскизами. В произведении «Ася», написанном в 57 г., мы находим картину, любимую романтиками, навеянную может быть опять тем же Фаустом Гете. Маленький город Германии, сохранивший колорит средневековья, залит прозрачным светом луны. Высокая готическая колокольня, каменные ограды, повитые виноградом, сладкий запах лип, «маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем», весь этот обстановочный колорит неизбежно вызывает знакомые образы, и «слово Гретхен не то вопрос, не то восклицание, так просится на уста...» Описание студенческого коммерша с Landes—fater и Gaudemus, радостное кипение жизни юной, свежей, порыв вперед—все это знакомые мотивы, пережитые самим Тургеневым.

1) Из письма Тургенева к М. Н. Лонгинову от 7/19 ноября 1856 г.

Переписка—это своеобразный, несколько искусственный роман чудаков-философов, напоминающий «премухинский роман» самого Тургенева. Героиня его любит Бетховена, лунные ночи, она мечтательница, с трудом «переносившая пошлое торжество грубого здравого рассудка», сама рисует нам свой каррикатурный портрет, сделанный обществом, которое, конечно, ее не понимает. Мария Яковлевна, как и Яков Пасынков, всегда останется верна своему идеалу и ее друг поддерживает ее в этой верности. Он, конечно, сочувствует и ее стремлению «туда», так как и его иногда тянет «dahin, dahin», в неизвестную даль, где призрак блаженства встает и манит средь тумана. Заканчивается рассказ советом ограничиться, не требовать от жизни много, быть довольным ее редкими дарами...

«Дворянское гнездо» мы считаем последним произведением этого периода. В нем сошлись и нашли творческие отклики все господствующие думы и настроения целой полосы жизни Тургенева. Характерно в нем увлечение славянофильством, которое корнями своими уходит в идеалистическую немецкую философию, в шеллингианство и гегельянство. Основная идея его—ступенеобразное развитие истории и смена передовых национальностей в историческом процессе. Сам Тургенев отмечает эту близость славянофильства и немецкой философской мысли, называя идейное развитие его «немецким процессом мышления»¹⁾.

Иногда же он прямо соединяет идеалистическую немецкую философию и славянофильство. Славянофильство, по его словам, поконится «en très bonne compagnie» с философией Шеллинга и Гегеля... Эту же мысль подчеркивает и Аксаков в своем письме к Тургеневу от июня 1856, говоря, что, несмотря на споры, их миросозерцания близки между собой, ибо оба были на железных водах германской мысли. Немного далее он прибавляет: «Как благодарен я крепительным их струям»... Действительно, некоторая привычка к философскому мышлению ясно ощущается в произведении. Так в доказательствах Лаврецкого «невозможности скачков и надменных переделок» мы угадываем влияние гегельянства и его диалектики. Но есть в славянофильстве и тяга к природе, к началам народной безхитростной жизни...

¹⁾ Из письма к Герцену от 1852, 8 октября.

В славянофильстве примиряет Тургенев теоретическую философскую мысль со своими порывами к простоте, к народной правде. Интересен возврат Тургенева к религии. Но это уже не логически выведенный *ad majorem Hegelij gloriam* бог—абсолют, но сознанное через народ христианство, воспринятое путем непосредственного интуитивного чувства. В связи с христианством, идея самоотречения, проблема двух Шиллеровских цветков, прошедшая сквозь целый ряд произведений этого периода, находит свое яркое завершение в романе «Дворянское гнездо». Красота светлого образа Лизы построена на ней.

Напрасно «простираять трепетные руки к заветному кубку, где искрится золотое вино наслаждений». Счастье не от нас зависит.

Покориться нужно, отказаться от своего личного счастья ради иных, высших ценностей. Вспоминается речь Вердера, произнесенная перед собравшейся его приветствовать толпой студентов:—«одна из великих целей философии»—говорил он—«сделать людей готовыми на жертву и отречение»... «воспитать до истинного смирения». Не всплывали ли в памяти Тургенева эти слова вместе с другими нахлынувшими призраками юности, когда он рисовал образ Лизы? Интересен и образ Михалевича, идеалиста и поэта, гонимого судьбой. Забавна его внешность, «всегда готовая, постоянно кипучая восторженность московского студента», его долгие бестолковые споры. Но как отголосок Рудинских настроений, как Дон-Кихот забытых идей, он трогателен и симпатичен¹). Говоря об образах «Дворянского гнезда» упоминаем и о Лемме, с его наивной романтикой, с его робкой старческой влюбленностью, с его музыкой, уходящей умирать в небеса, к милосердным звездам, с его мрачным: *Alles ist todt, und wir sind todt.*

К этой же мрачной философии подходит вплотную и сам Тургенев. Пробиваются сквозь нее блики радости (конец „Дворянского гнезда“, описание молодежи). Но они—прощальные лучи осеннего солнца. Увидание дворянской культуры с ее утонченностью и красотой, гибель «дворянских гнезд», предчувствие перелома не только в своей

1) В университетских чтениях о Тургеневе Н. Л. Бродский высказал предположение, что прототипом Михалевича был Аполлон Григорьев.

жизни, но и в жизни России, дают лишний повод для размышлений Тургенева. Будущее—новый сфинкс, в глаза которому он с беспокойством заглядывает.

Роман «Накануне» стоит на переломе русской жизни, а так же творчества и миросозерцания Тургенева: «прощла пора цветения, прошлое отделилось от меня окончательно, но расставшись с ним, я увидел, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отделилась вместе с ним». День рождения не радует Тургенева, грустные мысли, тяжкие предчувствия сходятся к нему вереницей. Нет уже прежнего стремления dahin, «все вперед», стихийной динамики юности. «Туманные дали» уже не манят призраками блаженства, иные призраки мерещатся в них. Целый период жизни стройно завершен. Берлин, кружки, споры, гегельянство, молодой энтузиазм, романтическая дружба и любовь, мечты о кафедре—сменились: стихийным порывом к природе, простому непосредственному чувству и творчеству. Но не останавливаясь на отрицаниях, он полно и плодотворно переживает минувшие годы, перед ним вновь всплывают картины, идеи, настроения его юности и дают ему многообразный материал для его творчества. Впереди новые неизвестные горизонты, новые сомнения и муки ищущей творческой мысли¹⁾.

Впереди одиночество, увядание, старость и смерть. Учение Шопенгауера находит в эту эпоху созвучие в душе и мироощущении Тургенева: «Шопенгауера, брат, надо читать, Шопенгауера»²⁾). Не без влияния его мрачной философии осознано Тургеневым, что на земле несомненно и ясно только несчастье, поставлены вопросы: «имеем ли мы право жить, не виноват ли каждый живущий?». Не светлый законодатель—разум царит над миром, и не Лизина «божья правда», а темная слепая судьба, мглистая ночь, жестокая и равнодушная природа, которой безразличны искусство, красота, судьбы человечества. Таким предстоит теперь мир перед печально-внимательным взором

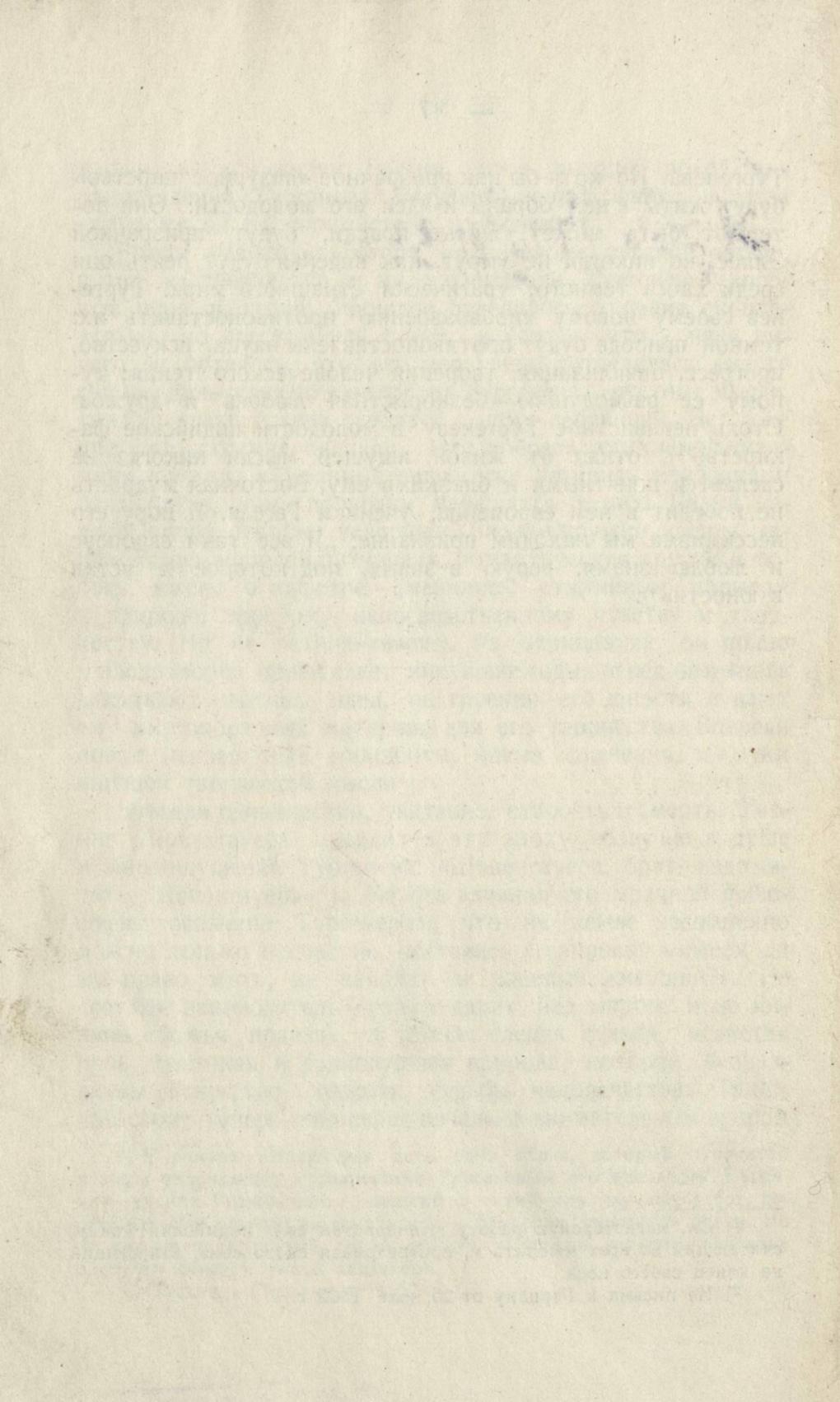
¹⁾ В романе «Накануне» есть один образ, который относится к эпохе творческого переживания Тургеневым его молости. Берсенев—ученик Грановского, ушедший в тихий мир научных работ, достойный сын старого шеллингианца,—отголосок пережитой эпохи. Но он уже не центральный герой романа и должен уступить человеку с другим складом ума и характера.

²⁾ Письмо к Герцену от 1862 г.

Тургенева. Но хотя бы как призрачное «лазурное царство» будут жить в нем образы и идеи его молодости. Они потеряют, быть может, живые краски, будут призрачной Эллис, но никогда не умрут, как виденья будут реять они среди хаоса темного, трагически страшного мира. Тургенев своему новому мировоззрению противопоставить их: темной природе будут противопоставлены наука, искусство, прогресс, цивилизация, творения человеческого гения; тупому ее равнодушию—безкорыстная любовь и дружба. Столь ненавистное Тургеневу в молодости индийское факирство¹⁾, отказ от живой ищущей мысли никогда не сделается понятными и близкими ему. Восточная мудрость не победит в нем европейца, ученика Гегеля. В пору его пессимизма мы находим признание: „Я все таки европеус и люблю знамя, верую в знамя, под которое я встал в юности“²⁾.

1) См. магистерскую работу: Ненавистен ему индийский Факир, считающий за грех мыслить и, приговаривая слово «он», взирающий на конец своего носа.

2) Из письма к Герцену от 25 ноября 1862 г.

BIBLIOTEKA TURGENEVA

37470